

ся. Ему, великому художнику, виднѣе всего было, каково отношеніе міра къ художественному творчеству, за которое платятъ большія деньги и вознаграждаютъ почетомъ и удивленіемъ. Быть можетъ, въ значительной степени его отреченіе отъ чистаго художества объясняется не имъ самимъ, не художествомъ по существу, но тѣмъ, что оно служить въ современномъ мірѣ какой-то жалкой игрушкой богатыхъ и внутренно праздныхъ, что оно лишено высокихъ жизненныхъ цѣлей, что оно не вліяетъ на жизнь, не преображаетъ ее, не слито съ ней воедино, не течетъ двумя рѣками параллельными—рѣкой творчества и непосредственной жизни—въ единый океанъ полнаго и вѣчнаго жизненного осуществленія. Въ самомъ дѣлѣ, для художника такого размѣра, какъ Толстой, не могло не быть нестерпимымъ то, что творчество приносить только деньги и только славу и вѣшний ореолъ. Искусство должно вліять на жизнь—иначе оно не искусство, таковъ его завѣтъ теперь. Какъ молитва, какъ ураганъ, какъ знаменіе небесное, оно должно потрясать людей, перестраивать ихъ душу и ихъ жизнь. То, что дѣлаютъ теперь съ искусствомъ, до послѣдней степени пошло и грязно. Толстой открыто возмутился. Онъ нашелъ, что служить этому искусству нельзя, какъ нельзя ни одной минуты дышать въ отравлен-